

В.Б. Лапердин*

V.B. Laperdin*

**Групповые конфликты
в колхозном социуме
Западно-Сибирского края
в 1930-е годы**

**Group Conflicts
in the Collective Farm Society
of West Siberian Region
in the 1930s**

doi:10.31518/2618-9100-2021-4-4

doi:10.31518/2618-9100-2021-4-4

УДК 94(571.1)«1930/1940»

Выходные данные для цитирования:

How to cite:

Лапердин В.Б. Групповые конфликты в колхозном социуме Западно-Сибирского края в 1930-е годы // Исторический курьер. 2021. № 4 (18). С. 38–52. URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-4-04.pdf>

Laperdin V.B. Group Conflicts in the Collective Farm Society of West Siberian Region in the 1930s // Historical Courier, 2021, No. 4 (18), pp. 38–52. [Available online:] <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-4-04.pdf>

Abstract. The author examines group conflicts in the collective farm society of West Siberian region in the 1930s. Peasant groups united on similar grounds (informal and closely family ties, similar attitude to state policy, socio-economic status before collectivization, etc.), finding themselves in the same collective farm society, entered into various, sometimes conflicting, relationships. Their emergence was the result of decomposition of peasant communities and high social mobility in new collective farm societies. Disintegration of traditional communal structures that promoted solidarity and unity of village population led to increasing conflicts in Soviet collective farms, which often took on group forms. Moving up the collective farm hierarchy, as well as defending an already acquired position, was facilitated with the support of the group. Opportunities for social mobility were determined not only by loyalty to the state, but also by belonging to an informal group. The higher position of a group in the collective farm society, the more chances its members had to take the desired positions. State indirectly participated in life of intra-collective farm groupings, being represented by cells of CPSU(b), rural activists, chairmen of collective farms and party organizers sent by party organizations, who also created groups around themselves. They not only realized their own, interests, out also interest of the state. Aggravation of group conflicts could lead both to deterioration in economic condition of collective farm economy and to its complete collapse. Nevertheless, the author of the article is not inclined to absolutize conflicts in collective farm environment, which were only one of the many aspects of relations. Groups coexisted peacefully, not showing themselves in confrontation, so information about them was not reflected in the sources. Collective farm societies could act as a single whole if common interests were affected. First of all, this referred to the fulfillment of state requirements, which were heavy burden on the shoulders of peasants.

Keywords: peasantry; agrarian policy of the state; collectivization; collective farms; collective farm society; social mobility; Siberia.

The article has been received by the editor on 29.05.2021.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье рассматриваются групповые конфликты в колхозном социуме Западно-Сибирского края в 1930-е гг. Крестьянские группы, объединенные по схожим признакам (неформальные и близкородственные связи, общее отношение к государственной политике, социально-экономическое положение до коллективизации и т.д.), оказавшись в

* Лапердин Вячеслав Борисович, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: laperdin2011@mail.ru
Laperdin Vyacheslav Borisovich, Candidate of History Sciences, Researcher, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: laperdin2011@mail.ru

одном колхозном коллективе, вступали в разнообразные, в том числе конфликтные, отношения. Их возникновение обуславливается разложением крестьянской общины и высокой социальной мобильностью в пришедшем ей на смену новом колхозном социуме. Распад традиционных общинных структур, способствовавших солидарности и единству населения деревни, привел к росту конфликтности в советском селе, зачастую принимавшем групповые формы. Продвижение вверх по колхозной иерархии, как и отстаивание уже приобретенного положения, облегчалось при поддержке группы. Возможности социального роста определялись не только лояльностью к государству, но и принадлежностью к неформальной группе. Чем выше положение группы в коллективе, тем больше шансов у ее членов занять желаемые должности. Государство опосредованно участвовало в жизни внутриколхозных группировок, будучи представлено ячейками ВКП(б), сельским активом, присланными партийными организациями председателями колхозов и парторганами, также создававшими вокруг себя группы. Они не только преследовали свои собственные, но и отстаивали государственные интересы. Обострение групповых конфликтов могло привести как к ухудшению экономического состояния коллективного хозяйства, так и к полнейшему его развалу. Тем не менее, автор статьи не склонен абсолютизировать конфликты в колхозной среде, являвшиеся только одним из аспектов отношений. Группы мирно сосуществовали, не проявляя себя в противоборстве, поэтому сведения о них не отражались в источниках. Колхозные коллективы могли выступать в качестве единого целого, если затрагивались общие интересы. В первую очередь это относилось к выполнению государственных обязательств, тяжким бременем ложившихся на плечи крестьян.

Ключевые слова: крестьянство; аграрная политика государства; коллективизация; колхозы; колхозный социум; социальная мобильность; Сибирь.

Проблема социальной мобильности и иерархии в колхозном социуме, пришедшем в 1930-е гг. на смену крестьянской общине, а также особенности социальных отношений в абсолютно новой для российской деревни колхозной среде после «великого перелома» уже длительное время привлекают внимание исследователей. В советской историографии, как и в современной, многие исследователи склонны выделять в колхозном социуме отдельные социально-профессиональные группы. В советский период изменения социальной структуры объяснялись возникновением новых форм производства, что обосновывалось как на общесоюзных¹, так и региональных материалах, в том числе сибирских². В 1990-е гг. Н.А. Ивницкий, В.П. Данилов, И.Е. Зеленин³ задали историографическую традицию, при которой социально-профессиональная дифференциация колхозного социума отходила на второй план и сводилась к «дифференциации бедности». Первостепенным стало изучение ее причин, в частности аграрной политики государства. Любое расслоение в колхозной среде при таком подходе стиралось, основной целью выступало раскрытие отношений между властью и крестьянством. Впоследствии внимание многих исследователей было приковано к данной проблеме именно в такой ее формулировке. Однако имеются вполне удачные попытки осуществить ревизию советской концепции. Ш. Фицпатрик⁴ выделила отдельные профессиональные группы, складывавшиеся в колхозах с началом коллективизации. Принципиально новой в ее исследовании стала оценка колхозного руководства, как привилегированной группы, борющейся за улучшение своего положения. М.А. Безнин и

¹ Арутюнян Ю.В. Социальная структура сельского населения СССР. М., 1971.

² Гуцин Н.Я., Кошелева Э.В., Чарушин В.Г. Крестьянство Западной Сибири в довоенные годы (1935–1941). Новосибирск, 1975; Крестьянство Сибири в период упрочнения и развития социализма. Новосибирск, 1985.

³ Данилов В.П. История крестьянства в России в XX веке: избранные труды. М., 2011. Ч. 1; Ч. 2; Зеленин И.Е. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома», 1930–1939: политика, осуществление, результаты. М., 2006; Ивницкий Н.А. Репрессивная политика советской власти в деревне (1928–1933 гг.). М., 2000.

⁴ Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне: социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М., 2001.

Т.М. Димони⁵ дали совершенно новую интерпретацию дифференциации колхозного социума, представив профессиональные группы в виде отдельных социальных классов, обладавших собственным самосознанием. Эта концепция, несмотря на критику, нашла своих последователей. Так, Л.В. Изюмова⁶ исследуя колхозное крестьянство Европейского Севера России, использует данную методологию. М.Н. Глумная⁷ проанализировала основные тенденции изменения управленческого аппарата колхозов. В ее работе изучается только часть колхозного социума (в первую очередь члены правления), находившаяся на верху иерархии. Управленческий персонал, по ее мнению, является профессиональной группой, а не отдельной социальной категорией, как считают М.А. Безнин и Т.М. Димони.

В перечисленных выше работах в той или иной степени затрагивается вопрос социальной мобильности и возможности перехода с одной ступени колхозной иерархии на другую. Если в советских работах основное внимание уделялось позитивным изменениям и представившимся для крестьян возможностям социального роста, то историографическая традиция, основанная на работах Н.А. Ивницкого, В.П. Данилова, И.Е. Зеленина, рассматривает в первую очередь негативные изменения: раскулачивание, чистки, репрессии. Впрочем, в современной историографии сохраняется интерес к вопросу формирования колхозной иерархии и способу улучшения социального статуса. Об этом говорится в работах М.А. Безнина, Т.М. Димони, Л.В. Изюмовой, М.Н. Глумной. Намного более сложная картина представлена Ш. Фицпатрик. Она показывает как позитивные, так и негативные последствия передвижения по социальной лестнице в колхозной системе. Социальную мобильность колхозного крестьянства исследовал В.А. Ильиных⁸. Он говорит не только о вертикальной мобильности – изменении места в социальной структуре, движении как вверх по ней, так и вниз, но и о горизонтальной мобильности – переходе с одной позиции на другую при сохранении социального статуса (вступление в колхоз не всегда являлось потерей статуса или его повышением).

Методологической основой исследования послужила работа Ш. Фицпатрик⁹, в одной из глав которой рассматриваются групповые отношения в колхозном социуме. Их возникновение она усматривает во внутрисельских раздорах. Если в той или иной степени семейные или этнические конфликты были распространены во все времена, то предшествующие 1930-м гг. события усилили раскол деревенского общества. Коллективизация и раскулачивание, последствия эпохи Гражданской войны и даже сталинских реформ, привели к возникновению групповых конфликтов. Они стали возможны не только по причине политического, социального, экономического и культурного разделения советской деревни, но и банальной борьбы за власть в колхозах. И если во времена общины руководящий пост не был связан со значительными привилегиями, то новая социально-профессиональная градация предполагала их. Распад традиционных общинных структур, способствовавших солидарности и единству населения деревни, привел к росту конфликтности (агрессии) в советском селе, зачастую принимавшем групповые формы¹⁰.

Групповые отношения широко изучаются в социальной психологии и конфликтологии. Считается аксиомой, что крупные коллективы могут разделяться на неформальные или же формально оформленные группы, между которыми складываются самые разнообразные отношения, в том числе и конкурентные. С этой точки зрения, групповые конфликты в колхозных коллективах следует считать естественным явлением. Но возникновение в весьма специфическом историческом контексте 1930-х гг. обусловило ряд их особенностей.

⁵ Безнин М.А., Димони Т.М. Аграрный строй России 1930–1980-х годов. М., 2014.

⁶ Изюмова Л.В. Стратификация колхозной деревни в 1930–1960-е гг. (по материалам Европейского Севера России). Вологда, 2010.

⁷ Глумная М.Н. Становление и развитие управленческого аппарата колхозов Европейского Севера России (конец 1920-х –1930-е гг.). Вологда, 2011.

⁸ Ильиных В.А. Социальная мобильность колхозного крестьянства в 1930-е гг. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. № 1.

⁹ Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне...

¹⁰ Там же. С. 275–276.

По нашему мнению, увеличение числа групповых конфликтов происходило не только по причине роста агрессии в сельской среде, но и из-за высокой социальной мобильности. Новая колхозная иерархия хотя и получила внешнее оформление, однако внутренне оставалась весьма неустойчивой, что выразилось в высокой текучести руководящих кадров. Это открывало широкие перспективы для желающих повысить свое социальное положение. Борьба за власть в колхозных коллективах происходила не только между отдельными индивидами, но и между поддерживающими их группами.

Цель статьи – на основе документов по Западно-Сибирскому краю показать роль и значение групповых отношений в колхозном социуме.

Социально-экономическая дифференциация крестьянства, характерная для сельской общины, стала одной из причин возникновения групповых отношений в колхозах в период коллективизации. Крестьяне, даже после вступления в колхоз, идентифицировали себя как батраков, бедняков и середняков, объединялись и отстаивали интересы своей имущественной группы. Начальник политотдела Топкинской МТС Б. Майберг в 1934 г. докладывал в Западно-Сибирский крайком о конфликтах между беднотой и середняками: «...взятый в свое время вполне правильный курс на середняка в колхозном строительстве в настоящее время, как мне кажется, начинает перерастать в свою противоположность. Средняцкие хоз[яйст]ва, захватив в колхозах “командные высоты”, сильно укрепили за собой эти позиции и оттеснили бедноту, не допуская ее к хорошо “оплачиваемым” работам. Я имел беседу на эту тему с некоторыми, наиболее передовыми, председателями. Они признали, что это явление имеет место, что оно “исторически” так сложилось вследствие того, что середняк пришел в колхоз более квалифицированным, грамотным, знающим хоз[яйст]во, умеющим работать и т.д. и т.п.»¹¹.

О столкновениях между колхозниками из различных социально-имущественных групп, говорится в докладной записке 1932 г. уполномоченного Западно-Сибирского крайкома по хлебозаготовкам в Баевском районе: «В колхозе им. КАЛИНИНА <...> наряду с бесхозяйственностью и расхищением хлеба и скота пышно процветала эксплуатация бывшего батрачества и бедноты. Эксплуатация носила явно издевательский и контрреволюционный характер. Бедноту не только ставили на самую тяжелую, грязную и менее оплачиваемую работу, но воровали трудодни, снижали нормы выработки и не оплачивали; пытавшихся протестовать лишали работы и оставляли совсем без хлеба. <...> Вообще лишение работы бедноты в колхозах носит массовый характер, а отсутствие работы, отсутствие трудодней – отсутствие хлеба, отсюда голод и бегство бедноты из колхозов (один из кулацких методов разрушения колхозов и дискредитации коллективизации)»¹².

Притеснение бедняков и батрачества в колхозах со стороны более зажиточных односельчан стало частым сюжетом в крестьянских письмах, адресованных в партийные органы. Более подробно эту проблему описал в своем письме, отправленном в Западно-Сибирский крайком в 1932 г., член колхоза им. Будённого Чебаковского района М.И. Сучков: «...трудящемуся бедняку или батраку жить очень трудно, потому что он всем обездолен, как в трудоднях, так и продуктами, тем более приедем, вступившим в колхоз, очень часто приходится сидеть голодным[и] и холодным[и] по два, по три и по четыре, и по пять дней, то мельят [и] на мельницах живут, то не хватает хлеба. А друг дружку укоряют, что хорошо тебе жить без хлеба, что вы напасли себе колхозного хлеба. Все управители колхоза кулачки и зажиточные, и все родные и знакомые, все связаны. Малая часть бедноты и батрачества то не смеют ничего сказать, а то причину найдут, обездолят и выжить из колхоза так не так то выморком выживут из колхоза»¹³. Группы, состоящие из родственных кланов, являвшихся выходцами из одной социально-экономической среды, упоминались в негативном контексте как в крестьянских письмах, так и в отчетах хозяйственно-политических организаций.

¹¹ Государственный архив Новосибирской области (ГАО) Ф. П-175. Оп. 1. Д. 210. Л. 91.

¹² Там же. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 357. Л. 125.

¹³ Там же. Оп. 5. Д. 543. Л. 272.

Далеко не всегда в ущемленном положении оказывалась беднота. В зависимости от того, как складывались отношения в том или ином колхозе, аутсайдерами рисковали стать середняки. Беднота могла иметь численный перевес и поддерживаться со стороны сельской партийной ячейки. Так, в 1930 г. в колхозе «Память Ленина» Ижморского района произошел конфликт между партийной ячейкой, состоявшей из 10 членов ВКП(б), при поддержке 13 комсомольцев, выступавших на стороне бедноты и середняков, сумевших на время занять главенствующее положение в колхозе. Когда правление повело борьбу с прогулами, (а самыми злостными прогульщиками оказались члены партии), середняков обвинили в принадлежности к кулачеству и вычистили из колхоза. В довершении всего над ними нависла угроза ссылки на спецпоселение¹⁴. В данном случае социальная иерархия внутри колхоза выстраивалась при активном участии бедноты и членов партии, в то время как середняки оказались в ущемленном положении.

Государство опосредованно участвовало в жизни внутриколхозных группировок. Социалистическое строительство в деревне предполагало массовое привлечение крестьянства на сторону большевиков путем расширения численности парторганизаций и комсомола в сельской местности, развития движения ударников и т.д. Как правило, такие группы формировались вокруг «пришлого» парторганизатора или уже созданной партийной ячейки, а в 1930 г. прибывшего из города двадцатипяти тысячника. Через подобные группы власти весьма успешно оказывали влияние на колхозные коллективы. Инкорпорированные в колхозную структуру, они отстаивали интересы государства, что вызвало неоднозначную реакцию со стороны остальной части крестьянства и вело к росту напряжения в колхозном социуме.

Отдельно стоит сказать об институте партийных организаторов, функционировавшем в наиболее крупных колхозах края. Парторги подбирались из числа идеологически надежных и проверенных в деле кадров. Как правило, они были либо горожанами, либо приезжали из других сельских районов. Для местных коллективов парторги оказывались чужаками с весьма широкими полномочиями. Их обязанностью было не только ведение партийной работы, но и выявление антисоветских элементов. Иными словами, в функции парторгов входило создание собственных групп с целью поддержки политики государства и разжигание внутриколхозных конфликтов с антисоветски настроенной частью крестьян, а затем устранение наиболее одиозных противников посредством колхозной чистки или привлечения органов госбезопасности. Впрочем, далеко не всегда требовалось применение столь категоричных мер. Так, прибывший в 1936 г. в колхоз «Активист» Крапивинского района парторг Демченко столкнулся с недовольными высказываниями в свой адрес: «Вот прислали нам коммуниста, командовать нами, как было хорошо жить без коммунистов». Собрав вокруг себя партийный актив, Демченко повел борьбу с недовольными его приездом колхозниками, во главе которых стоял заведующий молочно-товарной фермы. Используя свое влияние при решении хозяйственных вопросов, он поставил под особый контроль работу фермы, тем самым нанеся удар по оппозиции¹⁵.

Однако далеко не всегда подобное инкорпорирование проходило успешно. В 1934 г. партийный организатор колхоза «Новая жизнь» Быстро-Истоцкого района К.Н. Сапрыкин оказался в критической ситуации. После перевода на другое место работы начальника политотдела Южной МТС, в зону деятельности которой входил колхоз, противостоящая Сапрыкину внутриколхозная группа сменила состав всего местного актива, заменив его на враждебных парторгу людей, ранее находившихся на особом учете политотдела. Не сумев создать в качестве противовеса свою собственную группу, Сапрыкин готов был бросить работу и уехать из деревни¹⁶. В данном случае партийному организатору не удалось выполнить возлагаемой на него функции – консолидировать вокруг себя крестьян с целью выявления «антисоветских элементов», которые сами заменили собой сельский актив.

¹⁴ ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 3. Д. 304. Л. 57–58 об.

¹⁵ Там же. Оп. 10. Д. 642. Л. 105.

¹⁶ Там же. Оп. 9. Д. 952. Л. 735–736.

Еще одним «пришлым» для колхозного коллектива мог стать назначенный «сверху» председатель. В 1930-е гг. сформировался слой профессиональных руководителей колхозов, являющийся прообразом будущей социально-профессиональной группы председателей, о которой, в частности, пишут М.А. Безнин и Т.М. Димони¹⁷. Однако в довоенный период их насчитывалось относительно немного в общей массе колхозных управленцев. Их постоянно перебрасывали с места на место в наиболее проблемные колхозы. Выполнив свою роль и наладив производство, они тут же переводились в другое хозяйство. Появление человека со стороны, занимавшего высокое положение в колхозной иерархии и активно проявлявшего себя на новой должности, разрушало систему устоявшихся отношений в коллективе, что могло привести к конфликту. В аналогичной ситуации находились партийные организаторы. Поэтому не удивительно, что, оказавшись в колхозе, двое «чужаков» старались создать собственную группу. Тем более, что их объединяла общая цель – они отстаивали интересы государства, а не нового для себя коллектива. Член ВКП(б) И.Ф. Воротилин, в 1934 г. проживавший в Топкинском районе, пожаловался в Западно-Сибирский крайком на председателя колхоза, назначенного политотделом МТС. Объединившись с парторгом, он «не признавал партийную организацию, работал самостоятельно <...> и приказами»¹⁸, чем настроил против себя местный актив. Сельским коммунистам не понравился как командный метод руководства, так и отводившаяся им второстепенная роль в жизни колхозного коллектива.

Формально пробольшевистской группой в сельской среде являлись бывшие красные партизаны. Государство считало их идеологически близкой категорией населения, хотя на практике все обстояло намного сложнее. Симпатии партизан могли оказаться как на стороне большевиков, так и антисоветски настроенной части крестьянства. Но, как и в случае с беднотой и батрачеством, государство позиционировало партизан как свою социальную опору в деревне.

Впрочем, мнение первых лиц и идеологов партии не всегда было известно на местах. В начале 1930-х гг. в с. Лаптев-Лог Угловского района бывший красный партизан К.Я. Турлов, ставший кандидатом в члены ВКП(б) и занявший должность председателя колхоза, попробовал заступиться за своего боевого товарища В. Белова, подвергнутого раскулачиванию. Белов имел зажиточное хозяйство, почему и стал объектом нападков со стороны сельской партийной ячейки, несмотря на то, что красные партизаны не подлежали раскулачиванию. Местные партийцы не только сослали Белова в Нарым, но и начали травлю Турлова, «плакавшего за кулака Белова». Естественно, стать членом ВКП(б) он уже не мог, пойдя против мнения партийной ячейки, и его исключили из кандидатов. В отместку Турлов добровольно вышел из колхоза, уведя с собой группу колхозников, состоявшую из бедноты и середняков, а затем вовсе покинул село, уехав «на производство».

Авторитет красных партизан в деревне после окончания Гражданской войны был очень высоким. Многие становились неформальными лидерами, консолидируя вокруг себя группы крестьян. Именно такая группа, сложившаяся в с. Лаптев-Лог, вышла из колхоза вслед за своим председателем. Впрочем, история на этом не закончилась. Белов не доехал до Нарыма. Карательные органы точнее соблюдали предписания центра, чем сельские партийные ячейки, и отправили красного партизана обратно на родину. Вернувшись домой, Белов, имевший не меньший авторитет, чем его товарищ, решил вступить в колхоз. После чего на общем собрании большинством голосов был принят на должность председателя. Однако стать во главе колхоза ему так и не довелось. Партийная ячейка ВКП(б), настроенная против ранее раскулаченного партизана, пользовавшегося большой популярностью у местного населения, не позволила ему занять руководящую должность¹⁹.

¹⁷ Безнин М.А., Димони Т.М. Социальная эволюция верхушки колхозно-совхозных управленцев в России 1930–1980-х годов // Российская история. 2010. № 2. С. 25–43.

¹⁸ ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 7. Д. 8. Л. 164.

¹⁹ Там же. Оп. 5. Д. 543. Л. 124–129.

Таким образом, в одном селе столкнулись две группы, являвшиеся опорой советской власти в деревне – члены партии и красные партизаны. У каждой из них нашлись свои сторонники в крестьянской среде, в итоге Лаптев-Лог оказался поделенным на противоборствующие лагеря. Предшествующие этому события – коллективизация и раскулачивание – дали обеим сторонам средства ведения борьбы. Сельские коммунисты старались «окулачить» красных партизан, те же пытались утвердить свою неформальную власть, заняв должность председателя колхоза.

Одна из причин успешной деятельности политотделов МТС в 1933–1934 гг., сумевших административно-репрессивными методами стимулировать колхозное производство, заключается в наличии в коллективных хозяйствах противостоящих крестьянских группировок. Проводя чистку или хозяйственные мероприятия, сотрудники политотделов находили в колхозах поддержку со стороны определенных групп, решавшихся помочь властям. Ими не обязательно были члены партии или местный актив. Колхозники могли просто использовать политотделы в своих интересах, чтобы устранить неугодных им односельчан. В 1933 г. в Карасукском районе политотдел Андреевской МТС распустил ячейку ВКП(б) в селе Саратовке из-за допущенных ее членами многочисленных хозяйственных нарушений в колхозе, о которых донесли местные крестьяне. Заместитель начальника политотдела Воронин следующим образом описывает свое прибытие в Саратовку: «Теперь сибирская деревня ожила. Она встретила решение партии о создании политотделов с большой радостью. По приезду в колхоз представителя политотдела окружает огромная толпа колхозников, ему составляются десятки заявлений с изобличением в воровстве и вредительстве правления и отдельных жуликов. Потом громко и до утра выступают на собраниях. Так было и в с. Саратовке. Деревня колхозная активно взялась за борьбу, чтобы вышибить оттуда вредительские элементы. Саратовские колхозники решили вышибить вредителей, врагов народа по указу от 7 августа²⁰ и вышибли»²¹. За пафосом и явным преувеличением скрывается любопытный момент: колхозники сами обратились за помощью к работнику политотдела. После чего он занял сторону рядовых колхозников, а не ячейки ВКП(б), «вычистив» ее членов из партии и колхоза.

Даже имея поддержку со стороны членов колхозного коллектива, политотделам не всегда легко удавалось сместить руководящую группу. В артели им. Блюхера Титовского района правление систематически занималось хищениями и продавало хлеб на «черном рынке». В 1934 г. местному политотделу МТС стоило немалых усилий доказать вину руководящей группировки. Один из членов правления, исполнявший обязанности учетчика сева и приемщика хлеба, Загребельный, бросил на бедняцком собрании бомбу. То ли она не взорвалась, а может и вовсе оказалась муляжом – в документе об этом умалчивается, но Загребельного осудили только на три года. По отбытии наказания он вернулся в родное село и вступил в колхоз, быстро сделав карьеру. Маловероятно, что присутствовавшая на том злополучном собрании беднота была рада видеть бомбометателя членом своей артели, да еще и в числе руководящей группы. Как и одного из колхозных бригадиров – Германа, во время колчаковщины, по данным органов госбезопасности, занимавшегося порками односельчан, впоследствии состоявших с ним в одном колхозе. Политотдел Титовской МТС четыре месяца пытался установить причастность правления к экономическим махинациям. Проблема заключалась в том, что артель имени Блюхера находилась на особом счету у райкома партии. Она вела постройку мельницы на собственные средства, затратив уже немалую по тем временам сумму – порядка 100 тыс. руб. Инициатором дела, способствовавшим выявлению нарушений, стал один из колхозных бригадиров, видимо не связанный с руководящей группой. Он сообщил начальнику политотдела МТС о происшедших нарушениях, а тот, в свою очередь, подключил к делу ОГПУ²². Таким образом, по причине внут-

²⁰ Речь идет о постановлении ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности».

²¹ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 440. Л. 29об.

²² Там же. Ф. П-175. Оп. 1. Д. 32. Л. 64.

ренной вражды между членами коллектива, внешне благонадежная артель оказалась под пристальным вниманием органов госбезопасности.

Порой власти находили противников не среди правления, а в лице не занимавших руководящие посты членов внутриколхозных группировок. В 1934 г. политотдел Грязнухинской МТС отстаивал положение руководящей группы в колхозе «Блюхер», оказавшейся под давлением рядовых колхозников, требовавших выдать им причитающийся за работу хлеб. Однако руководство колхоза было «своим» для политотдела – его только что сменили на более благонадежное. По мнению властей, оно не должно было отвечать за ошибки прежнего начальства при распределении доходов. Связавшись с райотделом ОГПУ, политотдел «вычистил» из колхоза наиболее активных «смутьянов», и оппозиция затихла²³.

Местные власти могли отстаивать кандидатуру «своего» председателя, даже если он был негоден значительной группе или же всему коллективу в целом. Подобный случай произошел в 1934 г. в колхозе «Единый путь» Легостаевского района. На общем собрании колхозников слушался вопрос о снятии председателя с занимаемой должности за бесхозяйственность и использование служебного положения в личных целях. Хотя коллектив проголосовал против своего руководителя, присутствовавший на собрании директор Гусельниковской МТС не позволил сместить своего протеже. Он «произносит речь такую, что это все пустяки, сегодняшнее собрание заканчивается и переносится с 31-го июня на 4-ое августа. Но вот проходит 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10 – нет ни директора МТС, ни собрания колхоза, нет ничего, а пред[седатель] колхоза обратно творит свои безобразия»²⁴. В поисках справедливости, колхозники написали письмо первому секретарю Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) Р.И. Эйхе, после чего крайком переадресовал его Легостаевскому райкому, где оно длительное время лежало без последствий, несмотря на регулярные запросы из Новосибирска. Видимо, районные работники надеялись, что о жалобе рядовых колхозников попросту забудут. Но когда отмалчиваться стало уже невозможно, они прислали заключение о председателе «Единого пути», где частично подтверждали приведенные в письме факты. Недоумение у краевых работников вызвала реакция местного партийного руководства, решившего оставить председателя на занимаемой должности²⁵. Вероятно, у того оказались хорошие связи не только в МТС, но и в районном центре. Погасить конфликт в колхозе секретарь Легостаевского райкома полагал, улучшив массово-политическую работу, по всей видимости, считая, что агитация может сгладить возникшие между членами коллектива противоречия.

Районные власти не только отстаивали государственные интересы, но и выступали в качестве арбитра, разрешая колхозные конфликты. В 1935 г. председатель артели «Луч Алтая» Безруков, в прошлом член ВКП(б), по инициативе райкома был переброшен в другой колхоз на аналогичную должность. Причиной перевода стало недовольство коллектива его многочисленными близкородственными связями и прошлым. Как оказалось, он состоял в добровольческой казачьей части во время Гражданской войны. Но у Безрукова нашлись и свои союзники в колхозе. Сразу после исключения из партии он начал собирать подписи колхозников с целью остаться на прежней должности. Однако это ни к чему не привело – на общем колхозном собрании был избран уже другой председатель²⁶.

Далеко не всегда колхозный актив представлял собой цельную группу. Он мог распасться на отдельные клики, занимавшие сторону той или иной группировки. Призванный в 1930 г. в РККА член партии В.Е. Архипов, сообщал Западно-Сибирскому крайкому о колхозе «Юный ленинец»: «Коммунисты идут не в ногу и разделились на 2-е группы, одна группа за середняков, а другая за бедноту»²⁷.

²³ ГАНО. Ф. П-175. Оп. 1. Д. 97. Л. 1–2.

²⁴ Там же. Ф. П-3. Оп. 9. Д. 952. Л. 56.

²⁵ Там же. Л. 49–50.

²⁶ Там же. Л. 400–401.

²⁷ Там же. Оп. 4. Д. 3. Л. 1237.

Похожая ситуация сложилась в коммуне им. Воровского Омского района. Член ВКП(б) Р.В. Клец противостоял председателю Туманову. Последний был снят с занимаемой должности, после чего, по словам Клеца, «приближенные Туманова повели бешенную борьбу против меня, стали лить грязь <...> на стороне Туманова оказались 2 кандидата партии, жена Туманова член партии и 4 комсомолец. <...> Та часть партийцев, которая честно хотела выявить истину, была обвинена в примиренчестве, беднота, которая восставала за меня, обзывалась клецовскими подпевалами»²⁸.

Еще больший накал страстей наблюдался в артели «Заветы Ильича» Чистюньского района, где под арестом по подозрению во вредительстве и преднамеренном развале хозяйства оказалось почти в полном составе правление колхоза, в том числе четверо сельских коммунистов. В своих бедах арестованные винули якобы оклеветавшего их односельчанина – члена партии Ф. Изотова. Впоследствии большинство обвиняемых следственные органы освободили, но противостояние в партийной ячейке продолжилось. Сразу же после своего выхода из-под ареста двое членов правления оказались исключены из рядов ВКП(б). Формально, за устроенный ими по освобождению пьяный дебош²⁹.

Порой местный актив в борьбе друг с другом пускал в ход проверенный и весьма распространенный прием – обвинение в сокрытии социального прошлого. Группа кандидатов в партию большевиков из переселенческой коммуны «Искра» просили Западно-Сибирский крайком исключить руководителей хозяйства из состава колхоза и отправить их в ссылку, как имевших в прошлом кулацкие хозяйства. Обратиться в столь высокую инстанцию просители решили, не имея возможности справиться своими силами – противоположную сторону поддерживали родственники из сельской партийной ячейки. Лейтмотивом написания жалобы, видимо, стало отсутствие возможности занять достойное положение в колхозе, правление которого оказалось связано близкородственными отношениями: «Руководствующий аппарат нашей коммуны составляет совершенно из близких родства Уфимовских и Васильевых и Борисовских (все они родные, хотя фамилия разная) и в данное время господствует это родство в коммуне “Искра”, подавляя остальных совершенно темных нацменов “чуваши”, только что вступивших»³⁰.

Внутриколхозные конфликты могли не только негативно отражаться на общественном производстве, но и вели к развалу хозяйства и распаду коллектива. На грани такого развала оказался колхоз «Память Ленина» Ижморского района. Конфликт в этой коммуне между беднотой и середняками уже описывался выше. После выхода в марте 1930 г. статьи И.В. Сталина «Головокружение от успехов» в хозяйстве из 155 дворов осталось 48, большей частью принадлежавших представителям бедноты и батрачества, и только 14 середнякам. Однако у колхоза до определенного времени сохранялся крепко спаянный коллектив, ядром которого стали 10 членов ВКП(б) и 13 – ВЛКСМ. Несмотря на экономический упадок и задолженность колхоза, не способного существовать без семенных и продовольственных ссуд, сельский актив продолжал жить идеей коллективного хозяйства. Но когда районные власти, обеспокоенные ростом числа коммун, решили перевести «Путь Ленина» на устав артели, радикально настроенные сельские коммунисты стали угрожать выходом. В случае их ухода из хозяйства могла выйти и беднота, и тогда колхоз ждал окончательный развал.

Началась многомесячная борьба между противоборствующими группировками, по-разному видевшими будущее колхоза. С одной стороны оказалась беднота, консолидирующаяся вокруг членов ВКП(б) и комсомольцев, с другой – середняки. В итоге последние были смещены с руководящих постов путем «окулачивания». Неизвестно, чем закончилась эта история, возможно, внутренние конфликты еще долгое время сотрясали коллектив «Пути Ленина», тем более что вскоре начался новый виток коллективизации и вышедшие весной крестьяне должны были вернуться и пополнить ряды противостоящих друг другу сторон. Данный случай наглядно демонстрирует, что даже спаянные коллективы,

²⁸ ГАНО. Ф. П-175. Оп. 4. Д. 3. Л. 1092.

²⁹ Там же. Л. 81–84.

³⁰ Там же. Л. 411–411 об.

поддерживавшие коллективизацию и готовые переносить стоящие на пути к общей цели лишения, могли оказаться на грани развала из-за неспособности своих членов договориться между собой.

Если колхоз «Путь Ленина» Ижморского района удалось сохранить, то созданное в конце 1920-х гг. жителями деревни Медвежья Грива Татарского района товарищество по совместной обработке земли (ТОЗ) распалось на два отдельных хозяйства. Отношения в коллективе изначально оказались неустойчивы. Его членами стали выходцы из 37 различных губерний, прибывшие в Сибирь до революции. По всей видимости, различные культурно-бытовые традиции и обычаи сыграли определенную роль в возникшем конфликте. Ситуация обострялась слабым руководством ТОЗа, больше занимавшегося пьянством, чем хозяйственными проблемами и, в конечном счете, продавшего семенной фонд на рынке. В результате часть крестьян приняла решение выйти из ТОЗа и организовать коммуну. Конфликт из внутреннего приобрел внешний характер. Началась взаимная травля, достигшая апогея при передаче ранее принадлежавшего ТОЗу трактора коммунарам. По данным краевой прокуратуры, «момент передачи трактора сопровождался рядом эксцессов со стороны тоозников, допустивших матерную брань по адресу коммунаров, угрожающие выражения и непристойные жесты (оголение половых органов)»³¹.

Активно проявляющие себя внутриколхозные группы, боровшиеся за власть, стремились наращивать силы, занимая более значимые посты и вербуя новых членов. Сын председателя артели «Красное поле» в 1935 г. женился на дочке кулака-лишенца. С целью скрыть мезальянс тесть был принят в колхоз на заседании, в обход существовавших правил, в присутствии небольшой группы колхозников. Таким образом, он вошел в ряды сторонников председателя, активно заменявшего неугодных ему членов правления на «своих» людей³².

В сельхозартели «Пионер» Топкинского района в январе 1933 г. разбирались заявления о приеме двух новых членов. Колхозники отрицательно отнеслись к кандидатам на том основании, что они являются детьми кулаков. Однако правление, представлявшее собой единую группу, проигнорировало их мнение. Несогласные покинули заседание со словами: «Если вы принимаете кулаков, так принимайте их сами». В результате артель пополнилась двумя членами³³, обязанными своим новым социальным положением лично руководству колхоза.

Местные партийные работники, наблюдавшие групповые конфликты, были обеспокоены в первую очередь их негативным влиянием на производственные характеристики колхозов и выполнение заготовительных планов. В 1936 г. секретарь Колпашевского райкома следующим образом охарактеризовал колхоз «Пролетарий»: «В колхозе кулацкая агитация ведет к развалу колхоза путем создания группировок в колхозе и разжигания между этими группами ссор, споров, в результате чего ослабляется дисциплина, имеются невыходы на работу, срыв работ, невыполнение распоряжений правления и бригадиров, оклеветание ударников, небрежное и даже воровское отношение к колхозному имуществу, а все это приводит к выходу отдельных колхозников из колхоза. Так, например, в течение 1935 года из колхоза вышло 5 хозяйств»³⁴. Для решения проблемы секретарь Колпашевского райкома предлагал прислать партийного организатора. Парторги, оказавшись в новом коллективе, активно участвовали во внутренних конфликтах. Однако их интересовало не положение в коллективе, а выполнение колхозом производственных планов, что было столь необходимо местным властям.

В 1936 г. секретарь Асиновского района сообщал о враждующих родственных группировках членов эстонского колхоза «Сядэ». Родственные связи играли большую роль в коллективных хозяйствах, особенно небольших размеров. Аналогичное положение наблюдалось в соседнем колхозе «Червонная зорька», состоявшем, судя по названию, из укра-

³¹ ГАНУ. Ф. П-175. Оп. 2. Д. 253. Л. 231.

³² Там же. Оп. 9. Д. 952. Л. 335.

³³ Там же. Оп. 2. Д. 522. Л. 53.

³⁴ Там же. Оп. 10. Д. 709. Л. 37.

инцев³⁵. В колхозе имени Будённого того же района эта борьба началась с создания колхоза в 1930 г. Только за первые три года его существования сменилось шесть председателей. За каждым из них стоял родственный клан. По мнению райкома, «все бывшие председатели вокруг себя имеют свой актив, который занимается подсиживанием существующего руководства»³⁶.

Конфликты на основе близко-родственных отношений могли иметь давнюю историю и тянуться годами. Советизация деревни, сопровождавшаяся коллективизацией и раскулачиванием, предоставила родственным кланам новые методы борьбы. Первым «окулачить» противника или изгнать его из колхоза стало заветной целью враждующих групп. Член колхоза «Кзыл-октябрь» Томского района У. Пономарев в своем письме, адресованном в 1931 г. Западно-Сибирской краевой прокуратуре, весьма сумбурно рассказывает о том, как он и его родственники стали жертвой «кулацкой» группировки. События происходили в «нацменовской» деревне, где «никакой работы городские организации не вели и чисто национальное отсталое влияние, узы крови родства, согласно шариата, крайне остры и крепки»³⁷.

В результате противостояния одного из родственников Пономарева, вместе с ним в 1927 г. организовавшим колхоз, раскулачили и отправили в ссылку. Автору чудом удалось избежать подобной участи, но его исключили из колхоза. Впрочем, Пономаревы не остались в долгу. Из-за их действий один из членов враждебного клана покончил жизнь самоубийством: «Очищая колхоз от притясавшихся, я <...> выявил следующее: бывший мулла, впоследствии учитель МУСИН, член нашего колхоза, оказался карателем, лично способствовавшим расстрелу красногвардейцев, их истязаниям при уходе первой советской власти. Систематическая эксплуатация батрачки в крайне грязных формах. Стоял вопрос о лишении его с семьей, состоящей из ХАДЖЕЕВА, АБОНЕЕВЫХ и его, о лишении избирательных прав и ссылке. МУСИН застрелился. Оставшиеся поклялись отомстить и для этой цели использовали классовую борьбу с кулацкими элементами»³⁸. Не находя поддержки среди односельчан, Пономарев обратился в суд с целью своего восстановления в колхозе, без которого он уже не представлял себе полноценной жизни: «Вне колхоза на мне лежит печать чуждости, оторванности, есть нечего, идти некуда»³⁹. Народный суд Томска встал на его сторону, определив вернуть Пономареву членство в колхозе и начать следствие для «привлечения виновных к травле лиц». Чем закончилось дело, неизвестно. Возможно, клановая вражда в колхозе «Кзыл-октябрь» продолжалась еще долгие годы, а список ее жертв пополнился новыми именами.

В ходе коллективизации в одной артели могли оказаться представители различных социально-экономических групп, в том числе ранее раскулаченные крестьяне. Между тем, на начальном этапе коллективизации, в 1930 г., широкое распространение получили колхозы, состоявшие из однородных социальных групп, не желавших принимать в свои ряды «чужаков». Зачастую их основу составляли бедняки и батраки, отвергавшие экономически развитые хозяйства и считавших их кулацкими. Либо колхозы создавали середняки, не принимавшие бедняков и отзывавшиеся о последних как о ленивых и нерадивых работниках. На состоящие из крепких середняков и зажиточных крестьян колхозы власти зачастую нацепляли ярлык «кулацких», подлежащих роспуску.

Такие коллективы представляли собой монолитные группы, основанные хорошо знавшими друг друга односельчанами, имевшими родственные или добрососедские отношения. Вероятность возникновения в них обособленных клик и конфликтов была минимальной. Иногда местные власти, стремясь хорошо отчитаться и увеличить процент коллективизации, сами способствовали их созданию. Из Солонешенского района в 1931 г. в Западно-Сибирский крайком поступила информация об инициативных группах по коллекти-

³⁵ ГАНО. Ф. П-175. Оп. 10. Д. 709. Л. 56–57.

³⁶ Там же. Л. 53.

³⁷ Там же. Оп. 4. Д. 3. Л. 196.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. Л. 196 об.

визации: «Организация инициативных групп происходит совершенно неправильно; группы избираются из зажиточно-среднезажиточных, родственно-связанных хозяйств; заранее обречено на карликовое оформление колхоза; при колхозах вербовочные бригады и приемочные комиссии как правило не организованы»⁴⁰. В этом сообщении указывается на создание колхоза как закрытой «для других» группы, состоявшей из экономически однородных хозяйств, имевших к тому же родственные связи.

Подобные колхозы были распространенным явлением не только в Солонешенском районе, но в определенной степени оказались характерны для всего края в целом. Однако в дальнейшем местные власти вынуждали такие хозяйства открыть двери для представителей иных экономических групп, в противном случае их ждал либо роспуск, либо принудительное присоединение к другому колхозу. В крупном с. Корнилово Каменского района, состоявшем из 800 хозяйств, летом 1931 г. существовало одновременно 13 колхозов. Секретарь райкома отмечал, что «колхозы создавались карликовые, подчас из родственников и по социальным группировкам»⁴¹. В итоге все они в административном порядке были слиты в один колхоз.

На степень единства колхозного коллектива влияли не только внутренние, но и внешние факторы. Давление извне спланировало коллективы, члены которых на время откладывали распри. В Спасском районе в 1932 г. местные власти решили поправить материальное положение колхоза «Животновод» за счет экономически крепкого хозяйства «Светлый путь» и организовать из них одну артель. Однако колхозники последнего воспротивились властному произволу, после чего начался затяжной конфликт с поддерживаемыми властями «Животноводом». В данном случае произошло столкновение между двумя колхозами, члены которых отстаивали интересы своего хозяйства. Это послужило фактором их сплочения, что объясняет длительный характер конфликта. Даже после проведенной в «Светлом пути» чистки члены артели остались непреклонны в своем нежелании идти на поводу властей и продолжали противиться слиянию. В конечном счете «Светлый путь» был объявлен «лжеколхозом» и распущен. Его имущество отдали «Животноводу», а «лжеколхозникам» позволили вступить в новую артель. Однако накал страстей был настолько сильным, что ни один из них так и не пришел в «Животновод»⁴².

Похожая ситуация сложилась в 1934 г. в колхозе «Бойко-заря» Титовского района. Несмотря на свою «карликовость» – всего 17 дворов, колхозники всячески сопротивлялись слиянию с соседней, экономически сильной артелью. Вопреки возможной выгоде, которую сулило членство в большом хозяйстве, они предпочли жизнь в обособленной сплоченной группе. Примечательно, что деревня, в которой находилась «Бойко-заря», по данным местного политотдела МТС, возникла в 1927 г. и состояла из крестьян, бежавших из больших сел с «налаженным советским аппаратом»⁴³. Можно предположить, что членов этого колхоза объединяло общее желание держаться подалеже как от крупных коллективов, так и от государственных организаций.

Несмотря на изложенный выше материал, не стоит переоценивать вероятность возникновения групповых конфликтов. Разделение по имущественному или какому-либо иному признаку не означало неминуемого столкновения между различными группами крестьян. Они все равно осознавали свою принадлежность к одной общности, обладали одинаковым мировоззрением, а оказавшись в колхозах, вместе ощутили тяжесть государственных заготовок и иных повинностей. В качестве иллюстрации настроения социального примирения в крестьянской среде можно привести случай, произошедший в Сросткинском районе, где в 1931 г. в народном доме с. Усятского была поставлена пьеса с вполне современным и благонадежным для того времени названием «Коммуна победила», но абсолютно антисоветским содержанием, впрочем, выразившим определенные настроения крестьян. Согласно

⁴⁰ ГАНУ. Ф. П-175. Оп. 2. Д. 252. Л. 24 об.

⁴¹ Там же. Д. 305. Л. 49.

⁴² Там же. Л. 224, 268.

⁴³ Там же. Оп. 1. Д. 31. Л. 39–40.

документам краевой прокуратуры, по сюжету «активист деревни “Терентьич”, осознав преимущества колхозной жизни, организовал из бедняков и батраков артель. Кулак “Титыч” вкуче с попом о[тцом] Ильей всячески старались развалить артель вплоть до подготовки к убийству активиста “Терентьича”. Артель организованно и материально окрепла, в течение года пережив нужду. Годовщина была отмечена собранием артели, достижениями ее и заключением вступления там же на собрания в брак членов артели.

Пьеса заканчивается тем, что “Титыч”, явившись с повинной, по просьбе был принят в колхоз. “Наша семья милостью сильна, пусть идет. И я так полагаю, – сказал организатор Терентьич, – одна спица колесу бросом не грозит, – расшатается – выбросим, а колесо покатаем своим чередом. Входи, Титыч, да угощайся, чем труд свободный позволяет”⁴⁴.

Вымышленный колхоз не просто обладает однородным социальным составом и высокой степенью сплоченности коллектива, он является преемником упраздненной государством общины, где праздники отмечались всем миром, а браки заключались между односельчанами. Интересно и христианское отношение к главному антагонисту. Ему прощают все прегрешения перед обществом, принимают в свои ряды. Подобное идеалистическое представление возникло не на пустом месте. По всей видимости, колхозный социум в 1930-е гг. хотя и отличался высокой степенью конфликтности, но имел механизмы ее гашения. Так, вопреки заявлению государства об обострении классовой борьбы, были случаи приема ранее раскулаченных крестьян в колхозы, что может указывать как на их авторитет в сельской среде, так и примирение различных имущественных слоев крестьянства.

Изучение групповых отношений расширяет представление о колхозном социуме и присущей ему социальной мобильности. Объединение крестьян в группы происходило, в том числе, с целью достижения более высокого статуса в колхозной иерархии или для его сохранения и защиты от других группировок. Таким образом, большое значение имело не только социальное происхождение или лояльность к власти, но и неформальные отношения, складывавшиеся в коллективе. Даже поддерживаемым райкомами «пришлым» председателям колхозов и парторгам необходимо было найти союзников в колхозной среде. Иначе они рисковали столкнуться с сопротивлением со стороны крестьян и не справлялись с возлагаемыми на них задачами по выполнению государственных обязательств.

Тем более это касается «выдвиженцев» из колхозных коллективов, неизвестных районной администрации и не имеющих поддержки со стороны партийных организаций. Таким людям для занятия высокого положения требовался определенный авторитет среди односельчан и помощь группы, продвигавшей своего кандидата. В дальнейшем, учитывая низкий профессионально-образовательный уровень колхозной администрации и небольшой опыт работы на занимаемых должностях, эти факторы обретали первостепенное значение. Профессиональное несоответствие прощалось «своим» и становилось поводом для смещения конкурентов. Возможности социального роста определялись не только лояльностью к государству, но и принадлежностью к неформальной группе. Чем выше положение группы в коллективе, тем больше шансов занять желаемую должность.

Групповые отношения возникали не всегда с целью получения «хлебного» места. Они являлись способом защиты от доминирующей группы в агрессивной колхозной среде, возможностью отстоять свое, пускай и не главенствующее, положение. В статье приведены многочисленные примеры межгрупповых конфликтов, отраженных в делопроизводственной документации местных органов власти и крестьянских письмах. Но различные крестьянские группы не всегда создавались для противостояния односельчанам. Они могли складываться в процессе неформального общения с самыми разнообразными целями и вступали в разногласия только в определенных ситуациях. Не стоит абсолютизировать конфликты в колхозной среде, являвшиеся только одним из аспектов отношений. Группы мирно сосуществовали, не проявляя себя в противоборстве, поэтому сведения о них не отражались в источниках. Вместе с тем, как показано выше, колхозные коллективы могли выступать в качестве единого целого, если затрагивались общие интересы. В первую очередь это относи-

⁴⁴ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 253. Л. 254–255.

лось к выполнению государственных обязательств, тяжким бременем ложившихся на плечи крестьян.

Дальнейшее исследование групповых отношений может быть полезно для работ по истории повседневности. Жизнь советских крестьян протекала не просто в колхозных коллективах, а в группах. Их объединяли близко-родственные связи, отношение к государственной политике (члены ВКП(б), комсомол, сельский актив), общее прошлое, как у красных партизан, красноармейцев или лиц, служивших на стороне антибольшевистских вооруженных формирований. Эти и многие другие основания становились причиной возникновения групповых отношений. Они же оказывали влияние на положение индивида в колхозном социуме, возможности его социальной мобильности, отношение со стороны односельчан. Кроме того, выживать в тяжелых материально-бытовых условиях было проще, объединившись в группы. Так, для того чтобы спрятать от заготовителей колхозный хлеб, требовалась поддержка членов правления, а также рядовых колхозников.

Групповые связи могут быть интересны для работ по политической истории. В колхозном социуме выделялись как прогосударственные, так и антисоветские группы. Если для первых основной целью становилась поддержка аграрной политики большевиков и помощь в проведении советизации деревни, то вторые объединялись в группировки с целью защиты от агрессивно настроенного по отношению к крестьянству государства. Крестьянское сопротивление проявлялось, в т.ч. в групповых формах. Негативное отношение к властям становилось объединяющим фактором и причиной столкновений с пробольшевистскими группировками.

Представленная статья не является завершающим исследованием по данной тематике. В дальнейшем возможно привлечение работ по социальной психологии и конфликтологии, рассматривающих малые группы. И хотя методы социологии значительно отличаются от исторических, общий предмет исследования (групповые отношения) может стать основанием для использования междисциплинарного подхода.

Литература

Арутюнян Ю.В. Социальная структура сельского населения СССР. М.: Мысль, 1971. 374 с.

Безнин М.А., Димони Т.М. Аграрный строй России 1930–1980-х годов. М.: Ленанд, 2014. 608 с.

Безнин М.А., Димони Т.М. Социальная эволюция верхушки колхозно-совхозных управленцев в России 1930 – 1980-х годов // Российская история. 2010. № 2. С. 25–43.

Глумная М.Н. Становление и развитие управленческого аппарата колхозов Европейского Севера России (конец 1920-х – 1930-е гг.). Вологда: Легия, 2011. 296 с.

Гущин Н.Я., Кошелева Э.В., Чарушин В.Г. Крестьянство Западной Сибири в довоенные годы (1935–1941). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1975. 288 с.

Данилов В.П. История крестьянства в России в XX веке: избранные труды: в 2 ч. М.: РОССПЭН, 2011. Ч. 1. 863 с.

Данилов В.П. История крестьянства в России в XX веке: избранные труды: в 2 ч. М.: РОССПЭН, 2011. Ч. 2. 831 с.

Зеленин И.Е. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома», 1930–1939: политика, осуществление, результаты. М.: Наука, 2006. 212 с.

Ивницкий Н.А. Репрессивная политика советской власти в деревне (1928–1933 гг.). М.: Ин-т рос. истории РАН, 2000. 350 с.

Изюмова Л.В. Стратификация колхозной деревни в 1930–1960-е гг. (по материалам Европейского Севера России). Вологда: ВГПУ, 2010. 176 с.

Ильных В.А. Социальная мобильность колхозного крестьянства в 1930-е гг. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. № 1 (23). С. 114–128.

Крестьянство Сибири в период упрочения и развития социализма / Н.Я. Гущин, Л.Н. Приходько, А.П. Мелентьева и др. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1985. 398 с.

Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне: социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М.: РОССПЭН, 2001. 422 с.

References

Arutyunyan, Yu.V. (1971). *Sotsial'naya struktura sel'skogo naseleniya SSSR* [Social Structure of the Rural Population of the USSR]. Moscow, Mysl. 374 p.

Beznin, M.A., Dimoni, T.M. (2010). *Sotsial'naya evolyutsiya verkhushki kolkhozno-ovkhoznykh upravlentsev v Rossii 1930–1980-kh godov* [Social Evolution of the Top Collective-Farm Managers in Russia in the 1930s–1980s]. In *Rossiyskaya istoriya*. No. 2, pp. 25–43.

Beznin, M.A., Dimoni, T.M. (2014). *Agrarnyy stroy Rossii 1930–1980-kh godov* [Agrarian System of Russia in the 1930–1980s]. Moscow, Lenand. 608 p.

Danilov, V.P. (2011). *Istoriya krest'yanstva v Rossii v XX veke: izbrannyye trudy: v 2 ch.* [The History of Peasantry in Russia in the 20th Century. Selected Works]. Moscow, ROSSPEN. Vol. 1. 863 p.

Danilov, V.P. (2011). *Istoriya krest'yanstva v Rossii v XX veke: izbrannyye trudy: v 2 ch.* [The History of Peasantry in Russia in the 20th Century. Selected Works]. Moscow, ROSSPEN. Vol. 2. 831 p.

Fitspatrik, Sh. (2011). *Stalinskie krest'yane: sotsial'naya istoriya Sovetskoy Rossii v 30-e gody: derevnya* [Stalin Peasants. The Social History of Soviet Russia in the 30s: a Village]. Moscow, ROSSPEN. 422 p.

Glumnaya, M.N. (2011). *Stanovleniye i razvitiy upravlencheskogo apparata kolkhozov Evropeyskogo Severa Rossii (konets 1920-kh–1930-e gg.)* [Formation and Development of the Administrative Apparatus of Collective Farms in the European North of Russia (Late 1920s–1930s)]. Vologda. 296 p.

Gushchin, N.Ya., Kosheleva, E.V., Charushin, V.G. (1975). *Krest'yanstvo Zapadnoy Sibiri v dovoynnyye gody (1935–1941)* [Peasantry of Western Siberia in the Pre-War Years (1935–1941)]. Novosibirsk, Nauka. Sib. otdeleniye. 288 p.

Gushchin, N.Ya., Prihod'ko, L.N., Melent'eva, A.P. et al. (1985). *Krest'yanstvo Sibiri v period uprochneniya i razvitiya sotsializma* [The Peasantry of Siberia in the Period of Strengthening and Development of Socialism]. Novosibirsk, Science. 398 p.

Il'nykh, V.A. (2021). *Sotsial'naya mobil'nost kolkhoznogo krest'yanstva v 1930-e gg.* [Social Mobility of the Collective-Farm Peasantry in the 1930s]. In *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta*. Ser. 2: Gumanitarnyye nauki. No. 1 (23), pp. 114–128.

Ivnitskiy, N.A. (2000). *Repressivnaya politika sovetskoy vlasti v derevne (1928–1933 gg.)* [Repressive Policy of Soviet State in Rural (1928–1933)]. Moscow, In-t ros. istorii RAN. 350 p.

Izumova, L.V. (2010). *Stratifikatsiya kolkhoznoy derevni v 1930–1960-e gg. (po materialam Evropeyskogo Severa Rossii)* [Stratification of the Collective Farm Village in the 1930s and 1960s (Based on the Materials of the European North of Russia)]. Vologda, VGPU. 176 p.

Zelenin, I.E. (2006). *Stalinskaya "revolyutsiya sverkhu" posle "velikogo pereloma", 1930–1939: politika, osushchestvleniye, rezultaty* [Stalin's "Revolution From Above" After the "Great Turning Point", 1930–1939: Politics, Implementation, Results]. Moscow, Nauka. 212 p.

Статья поступила в редакцию 29.05.2021 г.